M 9
369

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

М 9/369

ВОЛГА—ВЕЛИКАЯ РѢКА.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА

А. П. НЕЧАЕВА.

Съ 23 рисунками.

Избрано Отдѣломъ народныхъ чтеній Педагогическаго Музея къ напечатанію и произнесенію въ аудит. Соляного Городка.

20145
A

Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній.

М 9/369

ВОЛГА—ВЕЛИКАЯ РѢКА.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА

А. П. НЕЧАЕВА.

Съ 23 рисунками.

Избрано Отдѣломъ народныхъ чтеній Педагогическаго Музея къ напечатанію и произнесенію въ аудиторіи Соляного Городка.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

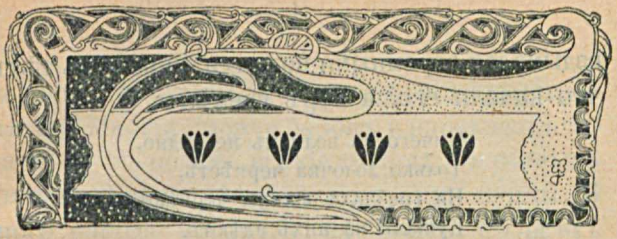
ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Ф4489-35

8/0.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1950 г.
4							Д 527/2761	

5861



Волга — великая рѣка.

Маленькимъ мальчикомъ услышалъ я первый разъ о Волгѣ.

Какъ-то заѣхали къ намъ странствующіе пѣсенники. Дружнымъ хоромъ тянули они заунывныя пѣсни, представляли, какъ добрый молодецъ умираетъ въ неволѣ и какъ плачетъ красна дѣвица, выходя замужъ за немилаго. Потомъ ударяли плясовую... Вдругъ руководитель хора потребовалъ большой коверъ. Взяли его четыре дюжихъ молодца за углы, растянули въ воздухѣ и стали мѣрно покачивать, все сильнѣе и сильнѣе. Въ это время одинъ изъ пѣсенниковъ затянулъ:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью...

Дружно подхватилъ хоръ, и полилась могучая русская пѣсня; коверъ все колыхался,

вздымался огромными волнами, скрывалъ тѣхъ, что качали его, а хоръ гремѣлъ:

Ничего въ волнахъ не видно,
Только лодочка чернѣетъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ...

Я слушалъ пѣсню съ большимъ вниманіемъ. Пѣсенники надѣли шапки, подпоясались алыми кушаками, разсѣлись на полу, какъ будто въ лодкѣ; махали руками, точно гребли веслами, а позади ихъ, какъ бы у руля, сидѣлъ хозяинъ въ черномъ бархатномъ кафтанѣ. Много слышалъ я въ тотъ вечеръ пѣсенъ, но ни одна изъ нихъ не понравилась мнѣ такъ, какъ пѣсня о Волгѣ.

За обѣдомъ, который былъ накрытъ для пѣвцовъ, управитель хора разсказалъ мнѣ про Волгу. Говорилъ онъ, что это — самая большая русская рѣка, всѣмъ нашимъ рѣкамъ мать и царица. Три тысячи верстъ слишкомъ бѣжитъ она по русской землѣ, и много ручейковъ, рѣчекъ и большихъ рѣкъ вливаютъ въ нее свою воду. Девять губерній раскинулось на ея берегахъ, не одинъ десятокъ городовъ смотрится въ ея воды, а деревень и селъ пріюти а она около себя многія сотни. И какихъ только народовъ не живетъ

на Волгѣ: и татары, и киргизы, и калмыки, и цыгане! Многія тысячи барокъ и пароходовъ тащатъ по ея водамъ всякіе товары. Съ разныхъ концовъ Руси съѣзжаются за ними купцы. И много народа кормится на Волгѣ. Со всѣхъ угловъ Россіи нужда сгоняетъ къ берегамъ великой рѣки рабочій людъ. Милліоны людей, не разгибая спины, съ утра до ночи трудятся на волжскихъ пристаняхъ, разгружая и нагружая пароходы и барки. А въ городахъ и селахъ ея сколько фабрикъ и заводовъ! И туда тянется народъ... Какія несмѣтныя массы рыбы ловятся на Волгѣ! На иныхъ пристаняхъ изъ одной только вяленой воблы сложены цѣлыя горы. Не даромъ зоветъ русскій народъ Волгу матушкой и кормилицей...

Такъ разсказывалъ мнѣ про Волгу пѣсенникъ,—и съ тѣхъ поръ полюбилъ я великую рѣку. Много прочиталъ я потомъ о ней книжекъ. Много разъ проѣхалъ по ней. Я видѣлъ ее и знойнымъ лѣтомъ, когда изъ водъ ея выглядывали желтыя лысины песковъ, видѣлъ и раннею весною, когда она разливалась на цѣлые десятки верстъ и превращалась въ настоящее море, ѣздилъ по ней на пароходѣ и на лодкѣ, исходилъ многія версты и пѣшкомъ по ея берегамъ... О ней я теперь и разскажу...

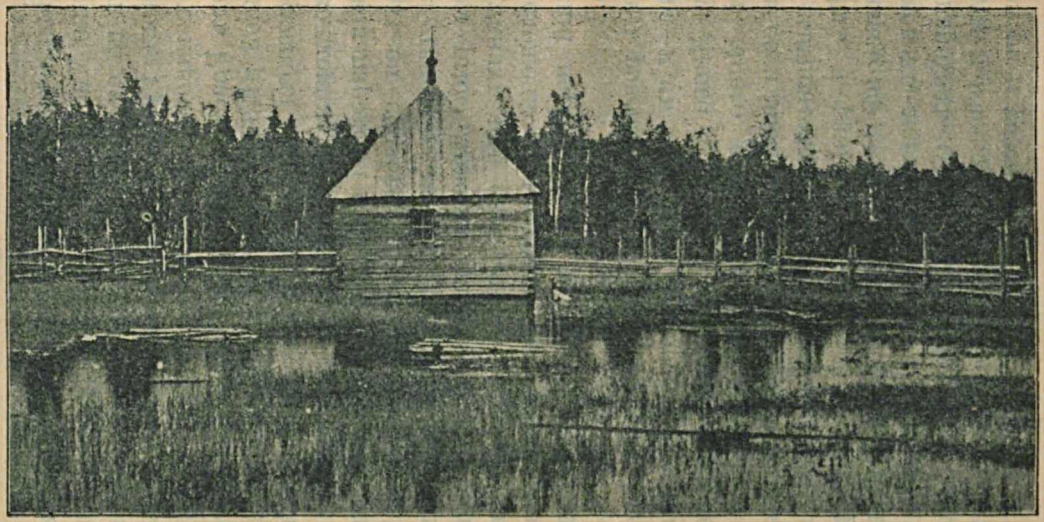


Рис. 1. Начало р. Волги. Надъ истокомъ стоитъ часовня. Кругомъ болото...

Въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ, въ десяти верстахъ отъ большого и красиваго озера Селигеръ, расположилась на холмѣ деревня Волговерховье. Кругомъ необозримыя болота... Куда ни кинешь взоръ, всюду мохъ, осока, кочки, всюду непроходимыя трясины. Мѣстами надъ болотомъ протянулся густой, почти непроходимый лѣсъ. Пышно разрослись на привольѣ деревья. Сломаные бурей стволы и кучи хвороста загромоздили всѣ тропинки и проходы. Здѣсь въ этомъ глухомъ лѣсу, въ этихъ непроходимыхъ болотахъ и трясинахъ и родится великая Волга (рис. 1). Среди болота стоитъ часовенка, въ ея лѣвомъ углу единственный образъ Спасителя, и посреди пола небольшой срубъ—колодецъ, уходящій въ болото. Отсюда изъ этого колодца и вытекаетъ Волга едва замѣтнымъ безсильнымъ ручейкомъ. Берега его густо заросли травой, среди которой чуть серебрится вода. Ручеекъ-Волга здѣсь такъ ничтоженъ, что житель одного берега можетъ, не переправляясь черезъ него, пожать руку пріятелю, стоящему на другомъ берегу (рис. 2).

Скоро ручеекъ пропадаетъ въ глухомъ еловомъ лѣсу, а еще дальше принимаетъ свои первые притоки, такіе же крохотные ручьи и проходитъ черезъ первое озеро — Малый-Верхитъ. Ширина Волги увеличивается на

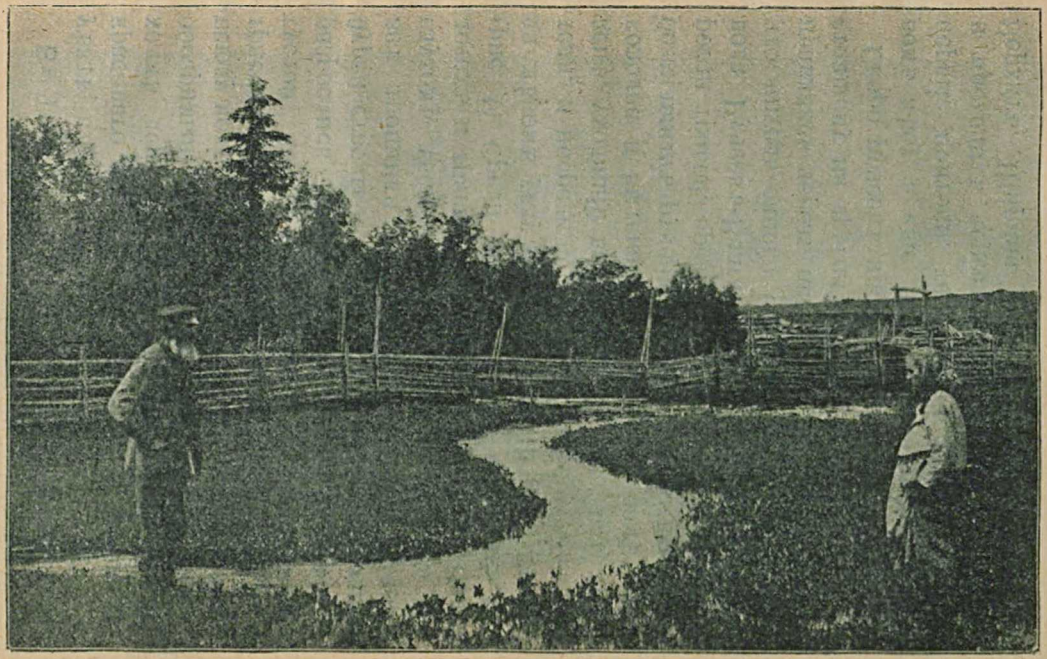


Рис. 2. Ручеекъ-Волга.

нѣсколько вершковъ: для переправы здѣсь одного шага уже недостаточно, а требуется сдѣлать порядочный прыжокъ. Еще новыя

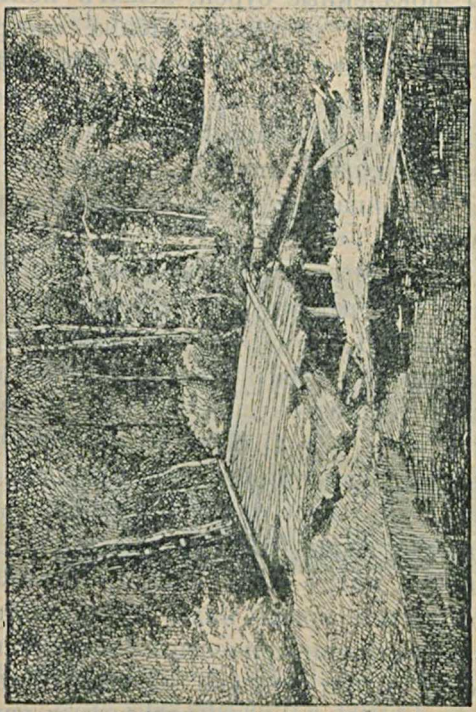


Рис. 3. Первый мостикъ черезъ Волгу.

болота, новые ручейки-притоки—и Волга становится уже рѣчкой, шириною въ 10—12 шаговъ и глубиною по колѣна. Здѣсь переброшенъ черезъ нее первый мостикъ (рис. 3), и

Библиотека имени В. И. Дахля

здѣсь встрѣчаются порой живописныя мѣста. Точно длинныя руки великановъ, тянутся съ берега на берегъ густыя вѣтви елей. Огромные стволы, поваленные бурей, лежатъ поперекъ рѣки. Мѣстами кудрявая рябина смотрится въ зеркало рѣчки или молодая черемуха купаетъ въ ней свои вѣтви. Нерѣдко на берегу лежатъ огромные камни-валуны, обросшіе мохомъ и полуразвалившіеся; иногда на нихъ ютится стройная березка. Кругомъ мертвая тишина...

Но вотъ кончается лѣсъ. Волга выходитъ въ открытую равнину, и передъ нами рядъ озеръ, черезъ которыя протекаетъ рѣка. Скоро въ руслѣ Волги появляются карчи или корчевья, т.-е. затонувшіе стволы деревьевъ, пни и коряги (рис. 4). Чуть не на каждой сажени торчатъ изъ воды темные, намокшіе сучья и цѣлые пни. У береговъ они тѣснятся въ непроходимыя чащи. Въ бурную погоду, при противномъ вѣтрѣ даже и опытный человѣкъ не проберется среди нихъ. Эти безчисленные коряги и пни принесены Волгой во время половодья. Стоитъ только одной изъ такихъ корягъ остановиться при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь камнемъ, выступающимъ со дна рѣки, и всѣ слѣдующіе сучья, вѣтви и стволы, цѣпляясь за остановившуюся корягу, скопляются въ большомъ числѣ.

Но вотъ карчи остались позади, и путникъ подъѣзжаетъ къ бейшлоту (рис. 5). Это—огромный мостъ. Пролеты его закрыты крѣпкими щитами, или воротами, которые, когда нужно, могутъ отворяться. Весной, когда вода въ

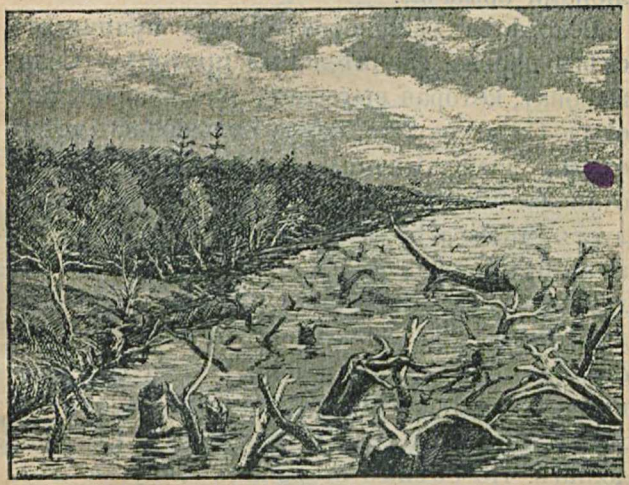


Рис. 4. Карчи.

Волгѣ стоитъ высоко, щиты крѣпко запираются, и водѣ преграждается спускъ, а когда лѣтомъ Волга начинаетъ мелѣть, пролеты открываются, и вода постепенно спускается внизъ. Если хоть одинъ изъ затворовъ открытъ, то ужъ издали слышится грозный шумъ воды. Съ моста, противъ главнаго про-

лета, можно любоваться величественной картиной: темная масса воды устремляется внизъ и падаетъ со страшнымъ ревомъ; вырвавшись дальше на волю, она стремительно мчится впередъ, кипитъ, клокочетъ, взлетаетъ милліонами брызгъ...

Вскорѣ за бейшлотомъ Волга принимаетъ слѣва первый значительный притокъ — Селижаровку, которая вытекаетъ изъ живописнаго озера Селигера. Это, самое большое изъ всѣхъ озеръ, расположенныхъ у истоковъ Волги, отличается извилистыми берегами и изобилуетъ множествомъ островов. Большинство изъ нихъ необитаемо и даютъ пріютъ безчисленной дичи. Принявъ Селижаровку, Волга достигаетъ 20 — 30 саженъ и дѣлается настоящею судоходною рѣкой. Берега ея становятся живописными, особенно вдали отъ селеній, гдѣ рѣка течетъ въ узкой и глубокой долинѣ. По обѣимъ сторонамъ тянутся лѣса и березовыя рощи. Дома и церкви выглядываютъ изъ ихъ чащи; очень часто встрѣчаются надъ самой Волгой, на краю берега, красивыя усадьбы. Видъ на нихъ открывается внезапно: вдругъ выплыветъ изъ зелени одинокое бѣлое зданіе, иногда очень красивое, съ каменными лѣстницами, ведущими къ рѣкѣ, съ колоннами и балконами. Попадаются даже и развалины.

У города Зубцова Волга вдругъ поворачиваетъ къ сѣверу... Здѣсь вливается въ нее съ юга рѣка Вазуза, и Волга подчиняется ея направленію. Вотъ какое объ этомъ сложилось въ народѣ повѣрье: «Поспорили какъ-то рѣки

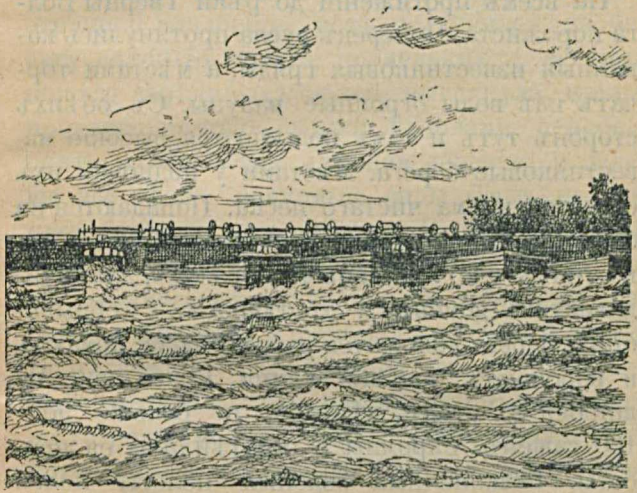


Рис. 5. Бейшлотъ.

Волга и Вазуза, кто изъ нихъ старше и лучше, да и рѣшили полечь спать, а которая, проснувшись на другой день, прибѣжитъ раньше къ морю Хвалынскому [1]), та и будетъ сильнѣй и достойнѣе. Легли. Еще ночью Вазуза встала и побѣжала. Волга, проснувшись позже,

[1]) Хвалынское море — Каспійское море.

бросилась догонять ее и, наконецъ, догнала у города Зубцова. Отсюда онѣ побѣжали уже вмѣстѣ, только Волга показалась Вазузѣ такой грозной, что она признала ее старшею сестрою».

На всемъ протяженіи до рѣки Тверцы Волга порожиста. Поперекъ русла протянулись каменныя известняковыя гряды, а мѣстами торчатъ изъ воды огромные валуны. Съ обѣихъ сторонъ тутъ и тамъ подымаются высокіе известняковые берега. Мѣстами у подножія ихъ стелется кайма чистаго песка. Попадаются на берегахъ каменоломни. Добываемый здѣсь известнякъ идетъ, главнымъ образомъ, для фундаментовъ домовъ и тротуаровъ. У обрывистаго берега копошатся рабочіе люди, ломаютъ и ворочаютъ большіе камни. Волга еще не широка въ этихъ мѣстахъ, не больше 90—100 саженъ. Скромны и незатѣйливы ея красоты. Безконечныя зеленыя полосы полей чередуются съ небольшими деревеньками. Кое-гдѣ среди мертвой тишины одиноко шумятъ изливающіеся въ Волгу ручьи, эти кормильцы и поильцы великой рѣки. Высоты появляются то на одномъ, то на другомъ берегу... Такъ подъѣзжаемъ мы къ Твери, первому большому городу на Волгѣ, знаменитому и своей стариной. За Тверью мы встрѣчаемъ на Волгѣ уже первые пароходы, удобные,

покойные, но пока еще не особенно большіе.

Еще долго развертываются передъ нами все тѣ же дорогія и близкія русскому сердцу картины. Вотъ большое село, вотъ промелькнуло огромное кладбище, вотъ выдѣлился на берегу какой-то заводъ, промелькнули пестрыя полосы засѣянныхъ полей, выглянула изъ-за пригорка пестрая своими куполами церковь, опять развернулась длинная деревня, и дальше все тѣ же знакомые виды. Такъ мы минуемъ городъ сапожниковъ Кимры, уѣздный городокъ Калязинъ, старинный городъ Угличъ, въ которомъ погибъ отъ руки убійцъ св. царевичъ Дмитрій, и приближаемся къ Мологѣ. Волга замѣтно расширяется, скоро пароходъ въѣзжаетъ въ одинъ изъ пролетовъ огромнаго желѣзнодорожнаго моста. Промелькнула Молога, широко развернулся передъ нами и Рыбинскъ, красивый городъ на высокомъ берегу, съ грандіозною гаванью и длиннымъ рядомъ пристаней. Волга стала вдвое шире, чѣмъ была у Твери...

Въ верховьи нерѣдко приходится видѣть, какъ въ той или другой деревнѣ переброшена черезъ Волгу веревка, и какая-нибудь баба, цѣпляясь за нее, переводитъ въ пять минутъ съ одной стороны на другую убогонькій поромишко, на которомъ стоитъ лошадь съ те-

лѣгою. За Ржевомъ этого уже нѣтъ. Зато люди не затрудняются для своихъ сообщеній перебросить черезъ Волгу немудреный деревянный мостъ. Калязинцы съ угличанами переплавляются черезъ Волгу въ лодочкахъ, а пониже Рыбинска, въ красивомъ городѣ Ярославлѣ, и этотъ способъ переправы какъ-то не идетъ къ Волгѣ: черезъ нее устроено пароходное сообщеніе. Волга представляется уже очень большой рѣкой, берега ея перестаютъ быть однообразными, посреди рѣки появляются острова, окутанные кудрявою зеленью тальника, пароходъ осторожно обходитъ мели. Навстрѣчу все чаще и чаще попадаются барки и огромные буксиры. Промелькнула Кострома, а за нею Ипатьевскій монастырь, откуда былъ призванъ на царство Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Промелькнула Кинешма, рядъ большихъ и малыхъ селъ. Впереди въ голубой дали показался на живописныхъ высотахъ Нижній-Новгородъ, знаменитый своей огромной ярмаркой, и въ то же время старинный городъ съ дорогими воспоминаніями. Въ немъ, между прочимъ, покоится прахъ великаго патріота Минина, и стоитъ памятникъ Пожарскому, выручившему Россію въ тяжелые дни смуты 1612 года (рис. 6). Вотъ забѣлѣли на береговыхъ склонахъ стѣны старой нижегородской крѣпости — Кремля, выплыли

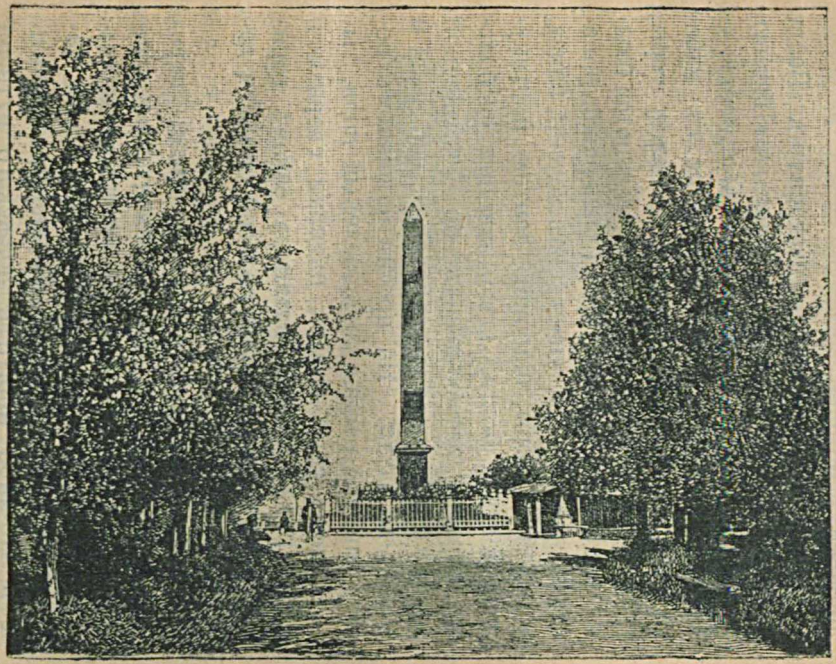


Рис. 6. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Нижнемъ-Новгородѣ.

на вершинахъ огромныя зданія и ярко загорѣлись въ лучахъ солнца золоченыя главы церквей...

Здѣсь у Нижняго вливается въ Волгу огромная Ока, и здѣсь впервые мы видимъ нашу рѣку въ полномъ величіи и красотѣ.

Дивная панорама раскрывается съ набережной Нижняго. Вы стоите на верху горы, густо одѣтой зеленью; влѣво вздымаются башни и стѣны Кремля, вправо Печерскій монастырь пріятно выступаетъ изъ зелени; внизу, у подошвы горы, широкою лентою протянулась могучая Волга. Здѣсь ширина ея больше версты, влѣво вверхъ по безконечной равнинѣ луговъ она становится все уже и исчезаетъ вдали... На противоположномъ берегу широко раскинулись зеленыя поля, тысячи озеръ серебряными пятнами сверкаютъ среди нихъ, а тамъ вдали на самомъ горизонтѣ чуть примѣтной полосой синѣетъ далекій боръ...

Въ Нижнемъ насъ ждетъ великанъ пароходъ (рис. 7). Это огромное трехъэтажное пловучее зданіе съ роскошными залами и удобными каютами, гдѣ вы чувствуете себя какъ дома, покойно и просторно. Трудно представить себѣ что-либо пріятнѣе волжскаго путешествія! Дивныя картины одна другой очаровательнѣе развертываются, какъ въ панорамѣ:

высокій правый берегъ выступаетъ въ самыхъ пестрыхъ краскахъ и причудливыхъ очертаніяхъ, а слѣва тянется обширная низина покрытая травой и называемая поймой.

Отъ Нижняго до Казани высятся по правому берегу Волги живописные обрывы глинистыхъ известняковъ, такъ называемыхъ рухляковъ и песчаниковъ самаго разнообразнаго

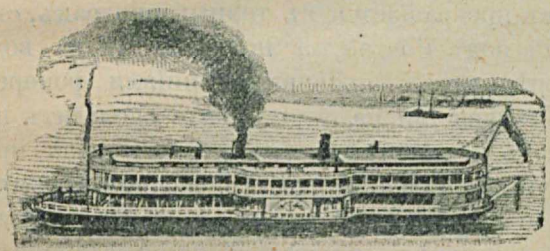


Рис. 7. Волжскій пароходъ.

цвѣта: бѣлаго, сѣраго, розоваго (рис. 8). Мѣстами эта стѣна прорѣзана глубокими оврагами и распалась на цѣлую цѣпь куполовидныхъ холмовъ. Только у подножія ихъ кое-гдѣ ютится растительность, да наверху темнѣетъ полоса лѣса.

Особенно хороши эти обрывы вечеромъ, въ часъ солнечнаго заката: высокій берегъ окутался уже полумракомъ, кое-гдѣ въ окнахъ сторожевыхъ будокъ вспыхнули огоньки, но на небѣ надъ пестроцвѣтною стѣною еще

горитъ зарево заката... Огненный отблескъ льется на зеркальную поверхность Волги и окрашиваетъ воду въ золотисто-розовый цвѣтъ. Въ это зеркало смотрятся пестроцвѣтные обрывы и кажутся въ немъ удивительно красивыми. Но вотъ погасаютъ послѣдніе лучи, на небѣ загораются звѣзды, и надъ Волгой спускается ночь. Пестроцвѣтный обрывъ превращается въ темный призракъ, стоящій надъ Волгой, а покойная гладь воды прорѣзывается огненными линіями фонарей, вспыхнувшими на судахъ. Тихо скользитъ пароходъ, и навстрѣчу ему плыветъ весь прозрачный, сіяющій электрическими огнями, точно волшебный дворецъ, другой пароходъ.

Все могучѣе, сильнѣе и шире становится великая рѣка. Все чаще выплываютъ изъ ея водъ безчисленные острова, одѣтые зеленью и окаймленные поясомъ песковъ. Точно огромная змѣя, льется широкая лента воды, постоянно изгибаясь то въ ту, то въ другую сторону и выставляя на каждомъ поворотѣ длинные песчаные мысы и мели. Берега становятся все красивѣе и разнообразнѣе. Мы миновали Казань и подъѣзжаемъ къ устью Камы. Трудно себѣ представить рѣчные берега болѣе пустынными, чѣмъ здѣсь. Ничѣмъ не ознаменовано впаденіе великой рѣки въ Волгу: ни города ни поселка. Только узкій и

длинный песчаный языкъ раздѣляетъ двѣ великія рѣки. И съ той и съ другой стороны безграничныя пойма и никакого намека на человѣческое жилье.

Еще дальше наше вниманіе привлекаетъ красиво расположившійся на правомъ берегу

Рис. 8. Рухляки на Волгѣ.

Симбирскъ, а далѣе опять вьется широкая рѣка среди луговъ и полей, селъ и деревень.

Ниже города Симбирска, у небольшого городка Ставрополя, Волга дѣлаетъ очень крутой поворотъ и затѣмъ, пройдя верстъ 50, почти такъ же круто поворачиваетъ обратно. Этотъ поворотъ называется Самарскою лукой

(рис. 9), такъ какъ на самой его серединѣ лежитъ городъ Самара.

Какъ только пароходъ подходитъ къ этому завороту, среди его пассажировъ происходитъ волненіе, каюты пустѣютъ, всѣ толпятся на рубкѣ и съ нетерпѣніемъ ждутъ Жигулей.—

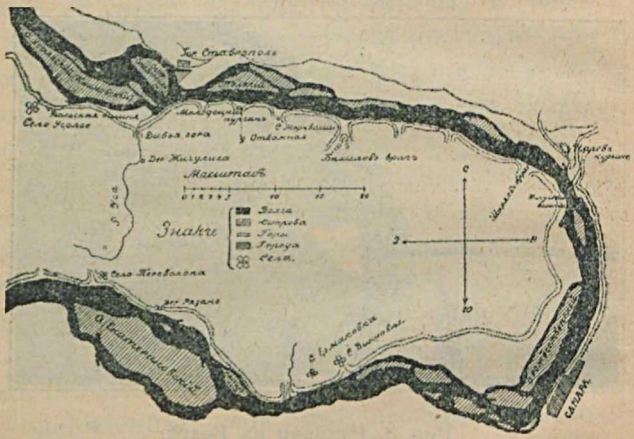


Рис. 9. Самарская лука.

Вотъ, наконецъ, вдали показались лѣсистые холмы, подернутые полумракомъ. Вотъ ихъ очертанія все яснѣе, и передъ нами Караульный бугоръ — ихъ начало (рис. 10). Съ вершины его виденъ весь Симбирскъ и всѣ окрестности, на цѣлыя сотни верстъ кругомъ. Въ старину этотъ бугоръ былъ укрѣпленъ, и съ него волжскіе разбойники на-

блюдали за движеніемъ судовъ; отсюда произошло и названіе.

За этимъ бугромъ сплошной стѣной потянулись горы. Волга вдругъ потемнѣла, приняла грозный видъ. Какая дивная картина! Какъ прихотливы формы горъ!

Рис. 10. Караульный бугоръ.

Вотъ выдвигается крошечный бастіонъ, изрѣзанный глубокими трещинами и заросшій густою зеленью. За нимъ потянулась длинная сѣрая стѣна, вся иззубренная временемъ, и опять смѣнилась лѣсомъ. Это — Молодецкій курганъ (рис. 11). Вдоль него цѣлая цѣпь бастіоновъ. Вотъ промелькнула башня, круг-

лая съ трещинами; вмѣсто зубцовъ на вершинѣ ея все тотъ же мрачный лѣсъ. Глазъ различаетъ въ ней черныя впадины, точно бойницы. Башня отошла назадъ, и взамѣнъ ея выдвинулась другая, полуразрушенная, зелень пробивается сквозь ея каменную кладку... и не хочется вамъ вѣрить, что эти дивныя скалы созданы самой природой.

Вотъ промелькнулъ первый буеракъ—Жигулевская труба. Въ ясный день въ глубинѣ его привлечетъ ваше вниманіе оголенный спереди и плоскій наверху утесъ—Дѣвій курганъ.

Давнымъ-давно, разсказываетъ волжское преданіе, здѣсь, у подножія горы, росъ высокій дубъ. Подъ корнями его таилась дверь въ подземелье. И жили въ томъ подземельѣ двѣнадцать сестеръ удалыхъ. Выходили онѣ на свѣтъ Божій воевать татарву невѣрную. Двѣнадцать лѣтъ жили богатырши. И не было имъ молодца подъ силу, не было равныхъ удальцовъ. Какъ колосъ въ полѣ, валили всѣхъ молодыя дѣвы. Пришелъ, наконецъ, изъ русской земли калика перехожій. Ростомъ былъ онъ малъ, бородою сѣдъ, ногами кривъ. Засмѣяли старика молодыя дѣвы и бороться съ нимъ не захотѣли. Только младшая схватилась съ каликою. И опомниться она не успѣла, какъ онъ бережно положилъ ее на шелковую мураву. За нею вышла другая, по-

старше, за другой — третья. Всѣ вышли до единой, и всѣхъ поборолъ калика перехожій.

— Гой ты еси, калика перехожій, много ли васъ на Руси, богатырей такихъ?—спрашиваютъ сестры.

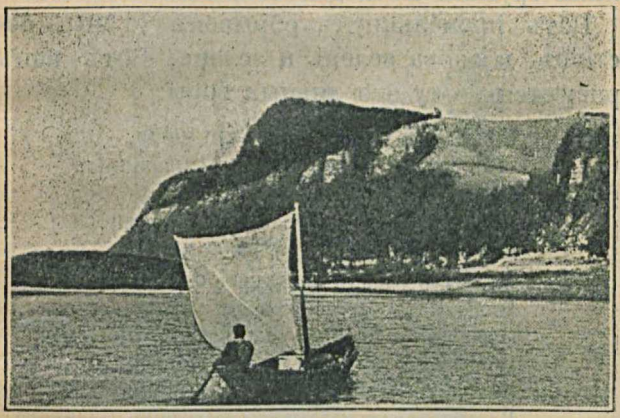


Рис. 11. Молодецкій курганъ.

— Что я за богатырь!—отвѣчаетъ старикъ.— Сами вы видите: и сѣдъ я, и малъ, и ногами кривъ, самый послѣдній я изъ послѣднихъ на святой русской землѣ, самый немощный изъ придорожныхъ старцевъ.

И затуманились богатырши: видно, почуяли, что придетъ сюда изъ Руси сила великая и всю землю ихъ подъ себя возьметъ.

Вотъ потянулись ярко-зеленые холмы, сплошь одѣтые густыми дубовыми и орѣховыми лѣсами. Кое-гдѣ среди нихъ темнѣютъ пятна хвойныхъ деревьевъ. У подножія горъ грудами насыпаны обломки, тутъ и тамъ видны каменоломни, и рядомъ дымятъ своими высокими трубами печи для обжиганія извести.

Вотъ промелькнулъ обрывокъ стѣны, бастіонъ, и снова зелень и зелень. Вотъ какъ рисуются поэту эти дивныя горы:

Котловины между горъ—что чаши,
Зеленымъ виномъ налитыя съ краями...
Гдѣ мѣста привольнѣе и краше?
Что красой сравнится съ Жигулями?
Высоко взобрались на пиханы
Темныхъ сосенъ траурныя гривы;
Низко-низко на берегъ песчаный
Плещутъ волнъ, пѣвучихъ волнъ приливы:
По буграмъ разросся лѣсъ дремучій,
По надъ лѣсомъ гребни да утесы;
Каждый разъ надъ ними встрѣтясь съ тучей.
Вѣтеръ ей объ нихъ расчешетъ косы:
Словно хмельный ходитъ Жигулями;
А онѣ все выше да все краше.
Ходитъ вѣтеръ валкими шагами,
Ходитъ онъ отъ чаши къ новой чашѣ,
Зеленымъ виномъ наполненной съ краями...

Вотъ вдругъ выдвинулся высокій, весь растрескавшійся обрывъ, а за нимъ зеленый снизу и лысый сверху холмъ. Это—Лысая гора, одна изъ самыхъ крупныхъ вершинъ Жигу-

лей. Передъ нею Жигули широко раздвинулись и уступили мѣсто буераку, въ которомъ село Моркваши (рис. 12). Толпа вѣтряныхъ мельницъ тѣснится въ немъ, рѣзко выступая своими красными крышами на желтомъ

Рис. 12. Морквашинскій буеракъ.

фонѣ созрѣвающихъ нивъ. Справа выдвигается живописный обломокъ стѣны; лѣтъ двадцать назадъ она вздымалась высоко вверхъ, но время безжалостно уничтожило ее. Внизу, у самой Волги, грудами навалены обломки, свидѣтели происходившаго здѣсь разрушенія.

Дальше опять потянулись зеленыя горы, съ башнями, стѣнами и бастіонами, опять замелькали каменоломни. Вотъ показался еще одинъ глубокій буеракъ—Ширяевскій, а прямо противъ него выплылъ во всемъ своемъ

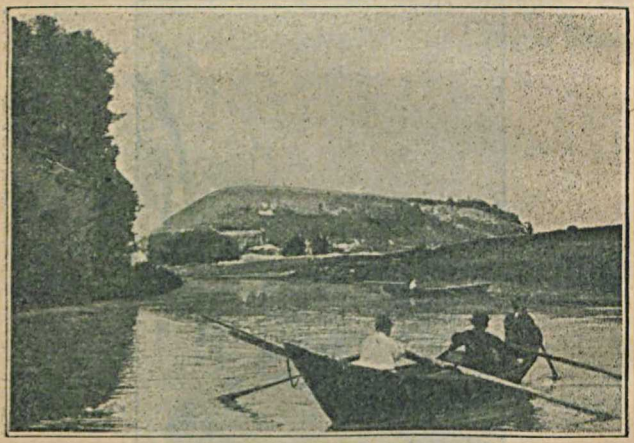


Рис. 13. Царевъ курганъ.

дикомъ величіи Царевъ курганъ. Давнымъ-давно, говоритъ преданіе, проходилъ здѣсь Иванъ Грозный со своимъ войскомъ, захотѣлъ онъ посмотрѣть, велика ли его рать, и велѣлъ каждому воину принести по горсти земли и высыпать ее въ одно мѣсто; изъ этой земли и выросъ Царевъ курганъ (рис. 13)...

За Царевымъ курганомъ Жигули кончаются, уходятъ въ сторону отъ Волги, по берегамъ тянутся еще лѣсистые обрывы, но въ нихъ нѣтъ величія Жигулей; скоро лѣсъ совсѣмъ пропадаетъ, уступая мѣсто необъятной степи; передъ нами выплываетъ Самара.

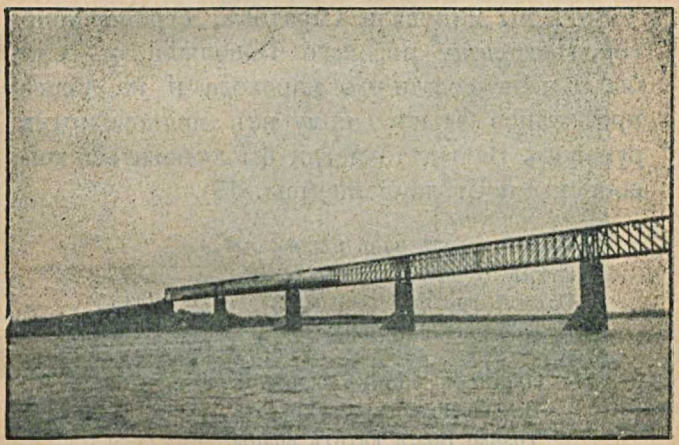


Рис. 14. Мостъ черезъ Волгу близъ Сызрани.

Вскорѣ за Самарой, близъ Сызрани, наше вниманіе привлекаетъ грандіозное произведеніе человѣческаго искусства — Александровскій желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу, длиною болѣе версты (рис. 14). Подъ нимъ проходятъ самые большіе пароходы, не сгибая своихъ трубъ и мачтъ.

Правый берегъ все время остается высокимъ и за Самарой, но на мѣсто живописныхъ Жигулей скоро выплываютъ скучные, сѣровато-зеленые мѣловые холмы съ лысыми вершинами, и въ нихъ ютятся каменоломни, и дымятъ своими трубами заводы, выжигающіе известь и приготовляющіе цементъ.

Вотъ мы миновали Саратовъ, огромнѣйшій городъ-столицу низоваго Поволжья, и если бы теперь сошли съ парохода и на лодкѣ проѣхались бы по одному изъ мелководныхъ рукавовъ Волги, то могли бы любоваться живописными Столбичами (рис. 15).

Цѣлый городъ надъ рѣкою;
Стѣнъ зубчатые вѣнцы,
Башенъ грозныя твердыни,
Колокольни и дворцы.

Луннымъ свѣтомъ залитъ берегъ;
Все безмолвствуетъ кругомъ,
Только Волга катитъ волны,
Отливая серебромъ.

Чудо-городъ, городъ-призракъ,
Тѣнь временъ пережитыхъ.
Онъ надъ самымъ яромъ
Полонъ думъ о дняхъ былыхъ.

Ближе ближе по затону
Проплываетъ пароходъ.
Что за диво? Предо мною
Тотъ же городъ, да не тотъ...

Нѣтъ ни башенъ надъ водою,
Нѣтъ ни каменныхъ палатъ;
Только сѣрыхъ скалъ громады
Въ Волгу съ берега глядятъ...

Такъ рисуются поэту въ ночномъ мракѣ и при свѣтѣ луны эти дѣйствительно причуд-

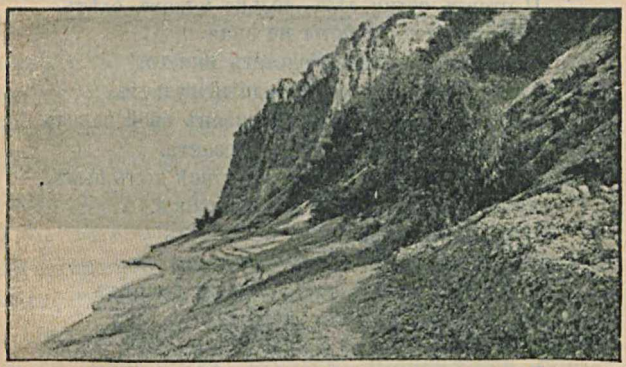


Рис. 15. Столбичи.

ливыя горы. И днемъ очарованный путникъ затрудняется признать въ нихъ простое сооруженіе природы. Эти зубцы, столбы и башни явились вслѣдствіе постепеннаго разрушенія известняковыхъ береговыхъ обрывовъ. Скалы тѣмъ причудливѣе и красивѣе, чѣмъ онѣ старше, т.-е. чѣмъ онѣ дольше разрушались.

За Столбичами тянутся скучные мергелистые берега, но и среди нихъ ваше вниманіе привлекаетъ не лишенный живописности бугоръ Стеньки Разина, про который поется извѣстная пѣсня:

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ оброс
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды ни заботы не зная.
На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ тамъ притонъ свой завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался...
И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана...

По преданію на немъ жилъ знаменитый атаманъ волжской вольницы въ домѣ, обитомъ бархатомъ и шелкомъ, и, наблюдая надъ проѣзжими судами, сидѣлъ на креслѣ изъ слоновой кости.

За Царицынымъ высокій берегъ пропадаетъ, и Волга вступаетъ въ обширную низину, по которой разливается многими рукавами.

Теченіе ея здѣсь медленно, плавно, почти незамѣтно, но какая въ ней масса воды! Цѣ-

лымъ моремъ разлилась среди песчаныхъ степей могучая Волга. Изъ болотъ далекаго сѣвера, съ озеръ Селигера и Бѣлаго, изъ костромскихъ лѣсовъ, съ вершинъ Урала, съ полей и лѣсовъ средней Россіи—безчисленныя рѣки, ручьи и рѣчки собрали воду и принесли ее въ Волгу. Сотнями рукавовъ вливается могучая рѣка въ Каспійское море. Тысячи островов или островковъ выставляются изъ ея водъ. Одни изъ нихъ густо поросли камышомъ и осокой и дали пріютъ безчисленной водяной птицѣ. Другіе усѣяны бахчами и покрыты фруктовыми садами. Длинными песчаными и болотистыми мысами, глубоко врѣзывается Волга въ море, и долго еще льется, среди соленыхъ каспійскихъ водъ, прѣсная вода великой рѣки...

Ничтожный ручеекъ, едва выступавшій среди тверскихъ болотъ, пробѣжалъ слишкомъ три съ половиной тысячи верстъ и превратился въ могучую рѣку, дивную своей красотою, великую своею пользою, грозную неустанной работой...

Не мертва Волга: каждая ея волна, каждая струя и зимой и лѣтомъ творитъ великое дѣло разрушенія и созиданія.

Каждый годъ пробуждается Волга отъ своего зимняго сна, каждую весну несетъ она гибель и разрушеніе. Съ неодолимою сило

Рис. 16. Ледоходъ на Волгѣ.

ломаетъ она ледяныя оковы и гонитъ ихъ внизъ, сокрушая все, что встрѣчаетъ на пути: льдины напираютъ на берегъ, рвутъ и роютъ его, лѣзутъ одна на другую, нагромождая

тутъ цѣлыя горы. Рѣдкій годъ обходится безъ крупныхъ несчастій. Ледъ проникаетъ даже въ затоны и ломаетъ укрывшіяся тамъ суда. Въ 1901 году подъ Нижнимъ затерто льдомъ три пассажирскихъ парохода и срѣзано двѣ баржи съ нефтью: одна утонула съ грузомъ въ 4.000 пудовъ, другую удалось вытащить...

Рис. 17. „Ледъ прошелъ“.

Съ той же грозною силой ломаетъ Волга встрѣтившіяся ей деревья, ломаетъ и рветъ ихъ съ корнями и почвой и, уничтоживъ всѣ преграды, ровно и плавно катитъ свои воды.

Обыкновенно верхняя часть Волги вскрывается раньше средней, а потому быстро движущійся ледъ, встрѣчая неподвижную ле-

дяную кору, останавливается, забирается подъ нее, громоздится въ цѣлыя горы и преграждаетъ путь рѣкѣ. Получается такъ называемый заторъ. А между тѣмъ и ледъ и вода все прибываютъ. Подъ ихъ напоромъ преграда вдругъ разрывается, и тогда долго нараставшія ледяныя горы сразу спускаются внизъ, производя страшныя разрушенія. Бывали случаи, когда послѣ такихъ заторовъ подъ Нижнимъ проносились горы высотой въ 23 сажени.

Но особенно страшенъ ледоходъ въ низовьяхъ Волги, здѣсь ужъ ничто не можетъ противостоять грозной силѣ его. Вода разливается все шире и шире, затягиваетъ острова, и передъ нашими глазами одно необъятное море, по которому носятся бѣлыя льдины. Въ низовьяхъ Волги человѣкъ промышляетъ по преимуществу рыболовствомъ, и жестоко же обходится съ нимъ кормилица!

Каспійское море зимой не замерзаетъ, и у самыхъ окраинъ волжскаго льда тѣснится рыба. Какъ только выпадаетъ яркій теплый денекъ, рыбаки цѣлыми партіями отправляются въ поиски за добычей. У береговъ густые камыши разрыхляютъ ледъ и даже зимой не даютъ ему смерзаться, весной же здѣсь случаются страшныя катастрофы: партія встрѣчаетъ огромную полынью, которой

и конца нѣтъ, оказывается ледъ треснулъ, и рыбаки оторваны отъ твердой земли. Долго плаваютъ бѣдняки на своемъ ледяномъ суднѣ, и, если помощь не поспѣетъ во-время, всѣмъ грозитъ неизбѣжная смерть.

23 января 1884 года, противъ поселковъ Тишкова и Цвѣтного Астраханскаго уѣзда и губерніи, сильнымъ порывомъ вѣтра оторвало отъ морского берега огромную льдину. На ней было унесено въ море 147 человѣкъ съ орудіями, снастями и лошадьми. Помощь не подоспѣла, но, къ счастью, черезъ три дня уцѣлѣвшая еще льдина сама причалила къ берегу моря. Рыбаки успѣли выбраться на сушу и пѣшкомъ возвратились домой, пройдя около 150 верстъ. Рыболовныя же снасти, стоившія не малыхъ денегъ, три лошади и сани утонули... Почти каждый годъ случаются такія несчастья. Для спасенія рыбаковъ, унесенныхъ льдинами, посылаются особые пароходы-ледорѣзы, разъѣзжающіе вдоль берега и отыскивающіе погибающихъ. Когда спасательный пароходъ близко, рыбаки стараются обратить на себя вниманіе криками и сигналами. Но далеко не всегда поспѣваетъ помощь, и рѣдкій ледоходъ обходится безъ человѣческихъ жертвъ...

Ледоходъ — только начало тѣхъ грозныхъ явленій, которыя каждую весну разыгрываются на Волгѣ. Зайдите на Нижегородскую набе-

режную недѣли черезъ двѣ послѣ ледохода, и вы не узнаете Волги, если видывали ее раньше лѣтомъ. Гдѣ ея мели и острова? Гдѣ ея широкая низменная пойма? Все исчезло, точно силою волшебства... На пять, десять, пятнадцать верстъ разлилась Волга въ обѣ стороны и залила всю ярмарку. Одинокими островками выдвигаются среди необъятнаго моря воды полузатопленныя строенія. Во время особенно сильныхъ половодій вода подымается на цѣлыя сажени и сплошь заливаетъ нижніе этажи домовъ.

Но вода грозитъ не только ярмаркѣ, многіе изъ волжскихъ городовъ и селеній затопляются каждую весну. Загляните, напримѣръ, въ Макарьевъ, въ апрѣлѣ (рис. 18): весь городъ стоитъ въ водѣ, улицы превратились въ рѣки, дворы—въ озера, а дома и надворныя строенія—въ острова. Чиновникъ ѣдетъ на должность въ лодкѣ. Одинъ житель ѣдетъ къ другому за дѣломъ или въ гости въ лодкѣ. Лошади и прочій домашній скотъ помѣщаются на плотахъ. Это случается каждый годъ, хотя бы вода была и не слишкомъ высока. Но если въ сильное наводненіе случится еще вѣтеръ, положеніе бѣдныхъ жителей Макарьева дѣлается поистинѣ ужаснымъ. Въ высокую воду не разъ для спасенія жителей были введены въ городъ пароходы, а

въ иные годы на улицахъ возлѣ своихъ домовъ тонули люди.

Загляните въ любую деревню, городокъ, и вездѣ вы встрѣтите тѣ же картины. Даже крохотные рѣчки и притоки Волги затопляютъ стоящія на ихъ берегахъ селенія. Такъ,

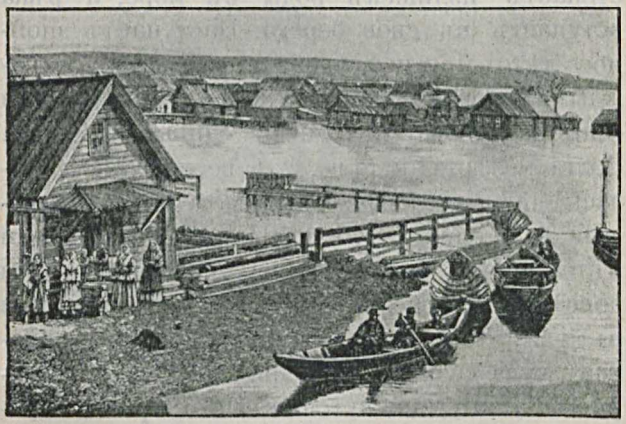


Рис. 18. Разливъ Волги въ гор. Макарьевѣ.

напримѣръ, рѣчка Самарка чуть не ежегодно врывается въ городъ и превращаетъ его окраины въ настоящія озера. А посмотрите на Жигули (рис. 19)! Горы еще не успѣли одѣться зеленью, угрюмо смотрятъ ихъ каменныя громады. Угрюмо ползутъ по ихъ сѣрымъ главамъ темныя тучи... А Волга вздымается все выше и выше, затопляетъ островки,

мысы, мели, лижетъ холодными волнами голыя скалы... И если въ городахъ и селеніяхъ Волга несетъ гибель и разореніе людямъ, то здѣсь вы можете только любоваться ея величіемъ...

Проходитъ весна, и уровень воды въ Волгѣ начинаетъ постепенно опускаться. Быстро стекаетъ излишекъ воды въ море, и рѣка вступаетъ въ свои берега. Наступаетъ знойное лѣто. Дожди выпадаютъ рѣдко, и съ каждымъ днемъ согрѣваемая и испаряемая солнцемъ вода опускается ниже и ниже. Волга мелѣетъ, и тамъ, гдѣ весною разстилалась широкая лента воды, выступаютъ обширныя мели, ярко желтѣющія на солнцѣ. Среди лѣта многіе рукава Волги уже становятся совсѣмъ непроходимыми, а въ особенности въ сухіе и знойные годы и въ главномъ фарватерѣ суда садятся на мель. Осторожно, вымѣряя глубину, движутся въ это время пароходы, и пассажиры непрерывно слышатъ раздающіеся снизу унылые крики: «Три, три, два съ половиной, два, два!» И при этомъ окликѣ пароходъ начинаетъ шумно стучать своей машиной и даетъ задній ходъ. Снова тотъ же осторожный промѣръ. Опять тѣ же унылые крики, и снова медленно движется пароходъ, пока не минуетъ опасности.

Однако, несмотря на всѣ предосторожности, пароходъ нерѣдко садится на мель, и пас-

сажиры терпѣливо ждутъ, пока буксиръ не стащитъ ихъ съ мѣста.

Не только весной случаются страшныя бѣдствія у волжскихъ береговъ: изо дня въ день, изъ года въ годъ работаетъ рѣка надъ ихъ разрушеніемъ, и подмытые водой бере-

Рис. 19. Разливъ въ Жигуляхъ.

говые обрывы нерѣдко обрушиваются, увлекая за собой строенія, людей и животныхъ.

20 сентября 1884 года великое несчастье постигло Саратовъ: обрушилась Соколова гора, расположенная на одной изъ окраинъ города, и многочисленныя зданія на ея склонахъ превратились въ груды развалинъ (рис. 20). Еще за нѣсколько дней до катастрофы земля начала

медленно сползать къ Волгѣ, покрываясь на поверхности трещинами и буграми. По ночамъ слышался трескъ и звяканіе лопающихся стеколъ. Полы въ домахъ приподымались, печи давали трещины. Многіе изъ предусмотрительныхъ жителей, замѣтивъ эти зловѣщія явленія, поспѣшили покинуть свои дома. Въ 11 часовъ утра, 20 сентября, вдругъ движеніе земли сдѣлалось быстрымъ, и значительная часть горы съ шумомъ обрушилась въ рѣку. Во всемъ Саратовѣ дрожала земля. Раскачивались висячія лампы. Останавливались часы. Несчастій съ людьми не было только потому, что они во-время убѣжали. Но зато всѣ зданія Саратовскаго предмѣстья—Затона—были совершенно разрушены или же приведены въ такое состояніе, что владѣльцы ихъ принуждены были оставить родной кровъ и переселиться въ городъ въ нанятыя наскоро квартиры... Нѣсколько домиковъ, расположенныхъ у подножія Соколовой горы, сорвались и полетѣли въ пропасть, гдѣ и были погребены подъ кучами земли и мусора вмѣстѣ съ домашнимъ скарбомъ. Крупныя зданія находившихся здѣсь фабрикъ и заводовъ переломились надвое - натрое, наклонились въ сторону, а нѣкоторыя и совсѣмъ упали. Выше Затона склоны Соколовой горы были совершенно изрыты, виднѣлись огромныя глыбы

обвалившейся земли, а вверху торчали два живописныхъ земляныхъ столба, какъ-то уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія. По высотѣ ихъ можно судить, какія огромныя толщи земли обвалились (рис. 20).

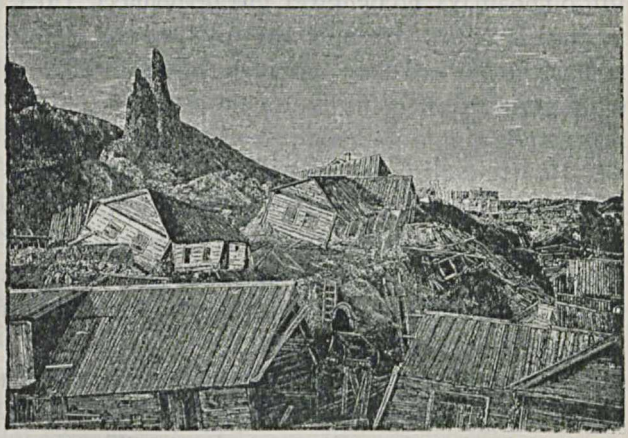


Рис. 20. Обвалъ Соколовой горы.

Не менѣе сильны были обвалы Соколовой горы въ 1783, 1818 и 1846 годахъ. Въ послѣдніе годы предпринято закрѣпленіе склоновъ Соколовой горы: на нихъ разводятъ съ этой цѣлью огромный паркъ, въ которомъ, кстати сказать, Саратовъ, вообще очень бѣдный растительностью, очень нуждается. Корни деревь-

евъ пройдутъ глубоко въ почву и густою и крѣпкою сѣтью обхватятъ всю гору.

Обвалы въ родѣ описаннаго случаются не только въ Саратовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ на берегу Волги; уже лѣтописецъ занесъ въ свои «правдивыя сказанія» нѣсколько сообщеній о грозныхъ волжскихъ катастрофахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1597 году въ Нижнемъ-Новгородѣ было сильное землетрясеніе, а Печерскій монастырь со всѣми церковными зданіями былъ совершенно разрушенъ: берегъ сползъ въ Волгу и потому пришлось строить монастырь заново уже на другомъ мѣстѣ. Въ то же время обвалъ произошелъ и на берегу рѣки Оки, гдѣ цѣлая слобода въ 150 дворовъ была засыпана землею вмѣстѣ съ жителями и ихъ имуществомъ.

Не менѣе ужасны бываютъ разрушенія и въ городѣ Васильсурскѣ, расположенномъ при впаденіи рѣки Суры въ Волгу. Такъ, напримѣръ, въ 1848 году, утромъ 17 мая, случилось такое происшествіе:

На вершинѣ высокаго берега Суры стоялъ рядовой Поповъ. Вдругъ онъ услышалъ съ барокъ, которыя стояли на рѣкѣ, отчаянные крики рабочихъ. Взглянувъ внизъ, онъ увидѣлъ, что подъ однимъ изъ домовъ на берегу земля движется и сползаетъ въ Суру. Не успѣлъ онъ и опомниться, какъ вдругъ послы-

шался ужасный трескъ. Зданіе вздрогнуло, зазвенѣли стекла. Поповъ бросился въ домъ и торопливо сталъ будить спавшихъ людей. Едва только успѣли они выбѣжать изъ дома, какъ вдругъ верхняя часть высокаго берега оборвалась и низверглась въ Суру. Злополучный домъ одной половиной стоялъ еще на краю горы, тогда какъ другая уже висѣла надъ образовавшимся обваломъ. Жители, оправившись отъ перваго испуга, стали торопливо спасать свое имущество. Черезъ часъ послѣ перваго обвала домъ вдругъ переломился надвое, и часть его упала внизъ. На другой день, т.-е. 18 мая, произошелъ новый обвалъ, отъ котораго упала и другая часть дома. Кромѣ того, свалилась еще бревенчатая изба, расположенная рядомъ. На краю уцѣлѣвшаго берега появились трещины длиною болѣе 100 саженъ. Обвалы повторялись здѣсь и впослѣдствіи. Магазины, лавки, дома обывателей, низвергались въ воды Суры, и прежняя базарная площадь города уже лѣтъ 50 не существуетъ.

Такіе обвалы береговъ носятъ названіе **оползней.** Они происходятъ не только отъ подмыванія береговъ водами Волги. Неутомимыми помощниками разрушительницы-рѣки являются подземныя воды, которыя тутъ и тамъ изливаются въ Волгу. Онѣ смачиваютъ

пласты каменныхъ породъ, скрытыхъ въ глубинѣ земли, размягчаютъ лежащіе надъ ними пески и глину, и если эти пласты хоть немного наклонены къ рѣкѣ, то все лежащее надъ ними сползаетъ внизъ (рис. 21) и низвергается въ Волгу.

На рис. 21 твердая порода затушевана темнымъ. Линія а—б обозначаетъ путь подземной воды. Такъ какъ порода, по которой

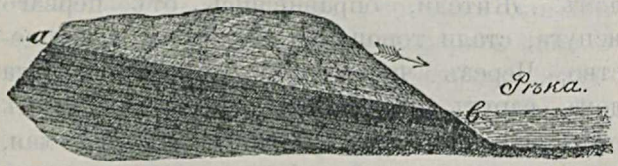


Рис. 21. **Оползень.** Сползаетъ въ рѣку все, что лежитъ выше линіи *аб*.

бѣжитъ вода, дѣлается скользкой, то все то, что на рисункѣ затушевано болѣе свѣтлыми штрихами, сползаетъ по направленію стрѣлки. Такъ гибнутъ деревья, селенія и страдаютъ большіе города.

Но не только такія грозныя катастрофы— дѣла могучей Волги. Не только по временамъ и съ грозной силой, но и изо дня въ день тихо и незамѣтно творитъ она свое разрушеніе...

Если бы вамъ пришлось когда-нибудь проѣхаться по Волгѣ, то вы на каждомъ шагу

могли бы наблюдать слѣды недавнихъ и грозныхъ разрушеній. Вотъ тянется свѣтлой полосою невысокій песчанистый берегъ, поросшій тальникомъ и молодымъ березнякомъ. Край его оборванъ, срѣзанъ. Изъ тонкаго слоя почвы вытягиваются наружу оголенные корни деревьевъ. Вотъ молодое деревцо едва-едва держится, лишь одною стороною укрѣпившись въ пескѣ и выставляя въ воздухъ раскидистый пучокъ корней; другое рядомъ съ нимъ уже свалилось и купаетъ вѣтви въ водахъ рѣки. Все говоритъ вамъ, что еще недавно, во время послѣдняго половодья, рѣка рвала и ломала этотъ берегъ, безжалостно обнажая корни пріютившихся на немъ растеній. А присмотритесь къ высокому каменистому берегу, который тянется за Нижнимъ! У подножія его груды обломковъ. Огромныя, свалившіяся сверху плиты громоздятся другъ на друга. Кругомъ цѣлое море щебня. Вотъ выдвигается огромная плита; она, того и гляди, обвалится. Рѣка выдолбила подъ ней глубокую впадину-нишу, раскрошила ея прежнее основаніе въ мелкіе обломки, разбила въ песокъ и унесла съ собою. Еще немного, и эта плита раздробится въ груду крупныхъ и мелкихъ обломковъ... Волга неутомимо разрушаетъ свои берега и все глубже врѣзывается въ толщу

земли. Какъ бы ни были крѣпки берега и дно, но они не устоятъ подъ могучимъ напоромъ рѣки, и ихъ каменныя массы превратятся въ мелкій песокъ.

Но Волга не только разрушаетъ. Въ природѣ нѣтъ полной смерти: одно исчезаетъ, разрушается, гибнетъ, чтобы дать мѣсто другому. Рядомъ со смертью идетъ жизнь... Посмотрите на эти безчисленные островки, безъ счета выдвигающіеся среди водъ Волги (рис. 22)! Ихъ много вездѣ, въ каждой части теченія рѣки. Вы ихъ встрѣтите и подъ Нижнимъ и дальше, вплоть до самаго устья Волги. Одни изъ нихъ совсѣмъ голы, покрыты сыпучимъ пескомъ, другіе густо заросли тальникомъ или молодымъ березнякомъ. Всѣ эти островки—созданіе великой рѣки. Всѣ они появились на глазахъ людей, и часто старики еще помнятъ, какъ они проѣзжали на лодкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ красуются теперь молодыя рощи...

Вообразите себя на Волгѣ: вы стоите на носу парохода и задумчиво смотрите вдаль, гдѣ на горизонтѣ синѣютъ далекія горы и гдѣ серебристая лента рѣки пропадаетъ въ дымкѣ сизоватаго тумана. Вотъ выдвигаются надъ поверхностью воды смутныя очертанія какого-то темнаго предмета. Вы приближаетесь и уже почти ясно различаете высо-

кую черную трубу и длинную массу судна. Это затонувшій пароходъ. Безпечный владѣлецъ бросилъ его на произволъ судьбы, предоставляя волнамъ довершить начатое разрушеніе, но что же это? Около темнаго остова выдвигается бѣлая кайма, на ней уже пестрѣютъ зеленыя пятна водяной раститель-

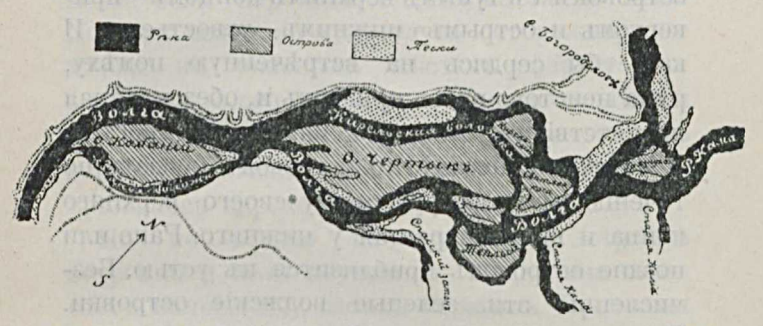


Рис. 22. Планъ Волги близъ впаденія Камы. На чертежѣ, видны острова (зачерчены черточками). Между островами—рукава (залиты чернымъ).

ности... Да вѣдь это — новоявленный островокъ! Съ поразительною быстротою выросъ онъ около затонувшаго парохода, затянулъ его поломанный остовъ слоемъ песку. Могучая рѣка несетъ въ своихъ водахъ огромныя массы перетертаго, перемытаго матеріала, который она вырвала у своихъ береговъ и превратила въ мелкій песокъ. Но достаточно самаго ничтожнаго препятствія, чтобы весь

этотъ песокъ упалъ на дно. Вотъ встрѣтился на пути рѣки стволъ сломаннаго дерева или остовъ затонувшей барки, и вода отлагаетъ около нихъ свои наносы. Съ каждымъ днемъ, мѣсяцемъ и годомъ все растетъ песчаная кайма. Скоро затонувшіе предметы совсѣмъ скрываются подъ нею, и передъ нами новый островокъ съ тупымъ верхнимъ концомъ—приверхомъ и острымъ нижнимъ—ухвостьемъ. И какъ бы сердясь на встрѣченную помѣху, рѣка неистово рветъ приверхъ и, обезсиленная препятствіемъ, отлагаетъ наносы у ухвостья.

Медленно, незамѣтно островокъ ползетъ по теченію рѣки, разрушаясь у своего верхняго конца и вновь нарастая у нижняго. Рано или поздно островокъ приблизится къ устью. Безчисленны эти зеленые волжскіе островки. Весною въ половодье рѣка сплошь заливаетъ ихъ, лѣтомъ они высоко подымаются сверху воды. Но островки эти часто недолговѣчны: рѣка нерѣдко до основанія смываетъ ихъ... Только, когда густая растительность обогнетъ островъ и скрѣпитъ его песчаную почву своими корнями, существованіе его болѣе или менѣе обезпечено. Человѣкъ пріобрѣлъ новый клочокъ земли, онъ можетъ здѣсь построить жилище, собирать сѣно и сѣять хлѣбъ. Но бывали случаи, когда и такіе островки погибали безслѣдно: Волга въ конецъ раз-

мывала ихъ и на ихъ мѣстѣ пролагала новое русло.

Точно такъ же растутъ на Волгѣ и мели. Много вреда приносятъ тѣ изъ нихъ, которые, какъ и осередки, передвигаются съ мѣста на мѣсто и часто появляются тамъ, гдѣ еще недавно рѣка была глубока и многоводна. Бѣда, если пароходъ сядетъ на такую мель. Поэтому волжскія суда идутъ осторожно, промѣряя въ опасныхъ мѣстахъ фарватеръ... Особенно много мелей встрѣчается на Волгѣ въ концѣ лѣта, и въ очень сухіе годы въ верхнихъ плесахъ рѣки даже совсѣмъ прекращалось пароходство на цѣлыя недѣли...

Но не только посреди русла строитъ островки и мели неутомимая Волга, она отлагаетъ наносы и у своихъ береговъ. Проѣзжая на пароходѣ, вы на каждомъ шагу видите выступающіе съ той и другой стороны длинные мысы и косы изъ чистаго бѣлаго песка. Они съ такою правильностью появляются при каждомъ поворотѣ рѣки, что, еще издали замѣтивъ бѣлѣющую кайму наносовъ, вы безошибочно можете предсказать поворотъ. Рѣка яростно рветъ и роетъ свои вогнутые берега и, обезсилѣвъ, отлагаетъ наносы на противоположной сторонѣ.

Съ каждымъ годомъ ея извилины дѣлаются все болѣе и болѣе крупными, а тамъ, гдѣ

растутъ наносы, водный потокъ нерѣдко разбивается на цѣлую сѣть рукавовъ или воложекъ. Многочисленные островки, мысы и мели перегораживаютъ здѣсь рѣку и ослабляютъ ея теченіе; мало-по-малу всѣ рукава засасываются пескомъ, зарастаютъ болотными травами, разбиваются на отдѣльныя озера или превращаются въ слѣпые затоны, а островки сливаются вмѣстѣ, образуя широкую болотистую пойму или лугъ. Весь онъ покрытъ сочною травой и усѣянъ серебристыми пятнами озеръ. У самой рѣки пойма обрамляется широкой полосою песковъ, а съ противоположной стороны надъ нею въ видѣ стѣны поднимается старый берегъ (рис. 22).

Въ теченіе лѣтъ пойма подымается все выше и, наконецъ, можетъ совершенно обсохнуть. Тогда крестьянинъ разрыхлитъ тучную почву и посѣетъ на ней хлѣбъ; прежняя болотная луговина превратится въ плодородную ниву.

Размывая свои вогнутые берега и отлагая наносы у выпуклыхъ, Волга постоянно мѣняетъ свое русло, отступаетъ отъ одного берега и рветъ другой. Не мало извѣстно примѣровъ, какъ города, нѣкогда стоявшіе на самомъ берегу рѣки, отодвинулись отъ нея на цѣлыя версты. Такъ, еще во времена Ивана Грознаго Казань лежала у самой Волги, те-

перь же отъ берега до города цѣлыхъ три версты. Любопытно, что въ городѣ до сихъ поръ сохранились слѣды стариннаго берега, который высокой стѣной подымается надъ намытою низиной.

Еще интереснѣе судьба Саратова: лѣтъ 25—30 назадъ большіе пароходы свободно подъѣзжали къ его пристани; теперь это возможно только раннею весною и въ первую половину лѣта, когда вода на Волгѣ стоитъ еще высоко. Уже въ началѣ лѣта, а иногда и раньше начинаютъ выдвигаться опасныя мели, и городъ становится неприступнымъ. Да и раннею весною приходится много времени тратить на обходъ подводной косы.

Но всего любопытнѣе судьба Васильсурска: какъ показываетъ само названіе, этотъ городъ лежалъ первоначально на рѣкѣ Сурѣ, теперь онъ стоитъ на Волгѣ. Такое перемѣщеніе города произошло не вдругъ, а постепенно, въ теченіе долгихъ лѣтъ. Волга изъ года въ годъ подмывала правый берегъ, все глубже врѣзывалась въ него и, наконецъ, завладѣла нижнимъ теченіемъ Суры. Городъ остался, конечно, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, перемѣстилась же Волга, протекающая теперь въ томъ руслѣ, гдѣ протекала прежде Сура. Этотъ примѣръ всего яснѣе показываетъ намъ, какія огромныя измѣненія претерпѣваетъ наша рѣка...

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ все медленнѣе теченіе Волги: на три-четыре, а весною и на цѣлыхъ 20 верстъ, разливается здѣсь могучая рѣка (рис. 23). Тихо, плавно катитъ она свои воды и отлагаетъ на днѣ весь песокъ и илъ, вымытый въ верхнихъ частяхъ теченія. Изъ этихъ наносовъ вырастаютъ безчисленные островки. Уже ниже Царицына Волга со всѣми своими рукавами достигаетъ 30 верстъ въ ширину, а у устья расползлась она и на цѣлую сотню верстъ.

Нѣтъ возможности пересчитать всѣ низменные острова и островки, раскинувшіеся здѣсь. Во время половодья они сплошь заливаются водой, каждый годъ Волга мѣняетъ ихъ очертанія и размѣры, раститъ новые острова и разрушаетъ старые. Огромнымъ треугольникомъ раскинулись эти острова на необозримомъ пространствѣ, глубоко врѣзались въ Каспійское море: это—дельта рѣки, созданная многовѣковой работой Волги.

Такъ работаетъ могучая Волга, часто пренебрегая выгодами человѣка и неся ему разореніе и гибель. Но человѣкъ сумѣлъ воспользоваться великой рѣкой и для своего блага.

Девять губерній протекаетъ Волга, сотни селеній и городовъ лежатъ на ней. Нетрудно понять, какъ разнообразна должна быть природа на такомъ огромномъ пространствѣ,

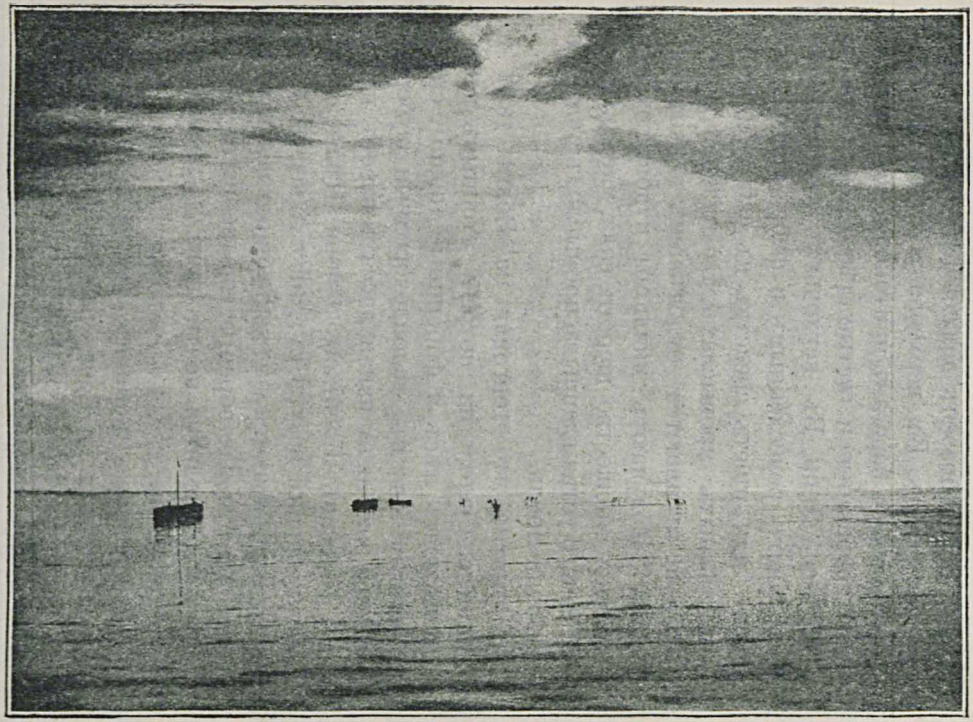


Рис. 23. Въ низовьяхъ Волги.

какъ разнообразенъ долженъ быть и человѣческій трудъ. Въ верховьяхъ Волги, въ особенности по берегамъ притоковъ, встрѣчаются еще обширные и густые лѣса, въ низовьяхъ тянутся степи. Въ верховьяхъ волгарь промышляетъ ремесленнымъ и фабричнымъ трудомъ или ищетъ средствъ къ существованію въ лѣсныхъ промыслахъ. Въ низовой Волгѣ жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, получаютъ милліоны пудовъ муки и великое множество шерсти, сала, мяса и кожъ. У самаго устья главнымъ промысломъ является рыбная ловля.

Понятно, что торговля на Волгѣ такъ и кипитъ. Сверху на потребу степнымъ жителямъ идетъ лѣсъ и фабричные товары, снизу доставляется въ малоплодородныя губерніи сѣвера хлѣбъ. А какая масса товаровъ идетъ съ береговъ Каспійскаго моря! Цѣлые караваны барокъ везутъ съ Кавказа нефть, которою отапливаются волжскіе пароходы и которая для удовлетворенія ежедневныхъ надобностей расходится почти по всѣмъ волжскимъ пристанямъ...

Съ разныхъ концовъ Россіи стекается въ лѣтнее время на Волгу рабочій людъ и находитъ на ея берегахъ работу, дающую средства къ существованію. Не даромъ же Волга зовется матушкою и кормилицей...

А сколько удовольствія и пользы приноситъ волжское путешествіе истомленному работой жителю большого города! Какія встрѣчаются на пути дивныя картины! Сколько дорогихъ русскому сердцу мѣстъ, сколько старинныхъ памятниковъ!

Волгою-матушкой, быстрою, длинною,
Пароходъ нашъ стрѣлою летитъ,
И картина идетъ за картиною,
И за видомъ смѣняется видъ...
То лѣса вѣковые, дремучіе,
Словно грозные стражи стоятъ,
То пески по прибрежью сыпучіе,
Полосою желтѣя, лежатъ...
Надъ рѣкою туманъ разстилается,
А за нимъ то луга, то поля
Съ горизонтомъ далекимъ сливаются...
Хороша ты, родная земля,
Хороша эта даль необъятная,
Этотъ вольный широкій просторъ!..
Обаянія власть непонятная
И чаруетъ и нѣжитъ мой взоръ...

Такъ рисуетъ волжскую поѣздку поэтъ... Немудрено, что всякій, кто знаетъ живительную силу великой рѣки, кто бывалъ на ней или живалъ на ея берегахъ, тотъ стремится опять къ ней всѣми силами души. Вотъ съ какими словами обращается къ Волгѣ одинъ изъ ея горячихъ поклонниковъ:

Снова къ тебѣ прихожу я,
Волга, родная рѣка!

Съ новою радостью чую
Свѣжій порывъ вѣтерка...
Вотъ онъ пронесся... Взыграла
Свѣтлая мощная гладь,
Вмигъ ожила она, стала
Пламенемъ солнца сверкать...
Пѣнью прибоя внимая,
Понялъ я сердцемъ тогда,
Что предо мною, сверкая,
Плещетъ живая вода...
Ужъ не она ль воскрешала
Каплей одной мертвецовъ,
Раны собой заживляла
Раненыхъ насмерть бойцовъ?..
Силы душевной не стало,
Грустенъ я нынѣ и хилъ...
Вылѣчи сердце больное,
Волга, родная рѣка!..
Вылѣчи свѣтлымъ просторомъ,
Пѣснею вѣтра живой,
Волнъ, набѣгающихъ хоромъ,
Свѣтлой живою водой!..

Дѣйствительно, ни одно путешествіе по Россіи не даетъ столько покоя и силъ, какъ путешествіе по Волгѣ. А если принять еще въ расчетъ его крайнюю дешевизну, то останется только пожелать, чтобы всѣ, кто интересуется родною природой, побывали на Волгѣ...

Списокъ картинъ

для фонаря къ этому чтенію.

1. Истокъ Волги.
2. Волга-ручеекъ.
3. Волга теряется въ лѣсу.
4. Первый мостикъ черезъ Волгу.
5. Озеро Большой Верхитъ.
6. Карчи на Волгѣ.
7. Бейшлотъ.
8. Озеро Селигеръ.
9. Поромъ на Волгѣ.
10. Городъ Тверь.
11. Мостъ черезъ Волгу у Твери.
12. Рыбинскъ.
13. Ярославль.
14. Нижій-Новгородъ. Общій видъ.
15. Мининскій садикъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.
16. Видъ на Оку и Волгу изъ Мининскаго садика.
17. Пароходъ.
18. Обрывы пестроцвѣтныхъ породъ между Нижнимъ и Казанью.
19. Пестроцвѣтный обрывъ, разбитый оврагами на куполовидные холмы.
20. Волга у Симбирска.
21. Самарская Лука (карта).
22. Караульный бугоръ.
23. Молодецкій курганъ.
24. Дивья гора.
25. Моркваншинскій буеракъ.
26. Козьи рожки въ Жигуляхъ.

27. Каменныя осыпи у подножія Жигулей.
28. Царевъ курганъ.
29. Самара.
30. Александровскій мостъ черезъ Волгу.
31. Саратовъ.
32. Столбичи.
33. Утесъ Стеньки Разина съ Волги.
34. Ущелье Дурманъ въ утесахъ Стеньки Разина.
35. Дельта Волги.
36. Ледоходъ на Волгѣ.
37. Ледоходъ съ торосами, получившимися отъ заторовъ.
38. Рыбаки, унесенные на льдинѣ въ море.
39. Разливъ на ярмаркѣ.
40. Высокій подъемъ воды на ярмаркѣ.
41. Разливъ Волги въ Жигуляхъ.
42. Разливъ рѣчки Самарки.
43. Пароходъ, сидящій на яру.
44. Обвалъ Соколовой горы въ Саратовѣ.
45. Живописныя формы разрушенія на вершинѣ Соколовой горы.
46. Схема оползня.
47. Мели на Волгѣ при впаденіи въ нее Ветлуги.
48. Карта Волги.

Заказы на поименованные діапозитивы принимаетъ мастерская *В. А. Шпаковской-Смирницкой* при Педагогическомъ музеѣ (Спб., Пантелеймоновская ул., д. 2). Раскрашенные діапозитивы 1 р. 25 к., черные по 50 к.

Изданія Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

СПБ., Фонтанка, 10. Соляной Городокъ.

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ:

1) **„Гоголь, его жизнь и произведенія“**
Ник. Жервэ. СПБ., 1909 г. Ц. 10 к.

2) **„Японія, или страна восходящаго солнца“**
А. П. Михневича. Москва, 1909 г. Ц. 5 к.

3) **„Абиссинія“** (2 чтенія)
К. С. Звягина. Москва, 1909 г. Ц. 10 к.

4) **„Человѣкъ подъ водой“,**
чтеніе для народа **Л. С. Багрова.** Москва, 1910 г. Ц. 5 к.

5) **„Первый на Руси книгопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ“**
Ник. Жервэ. Москва, 1910 г. Ц. 5 к.

Каталогъ проекціонныхъ картинъ (діапозитивовъ), имѣющихся въ коллекціи Педагогическаго Музея в.-уч. завед., изд. 2-е. Ц. 15 к.

Цѣна **6** коп.

2007058850